

Эдуард АНАШКИН

Правое дело Владимира Крупина

к 75-летию писателя

У некоторых русских прозаиков есть произведения, написанные в жанре лаконичной прозы. У Виктора Астафьева — «Затеси». У Владимира Солоухина — «Камешки на ладони». А у Владимира Крупина, конечно же, «Крупинки», которые так и хочется сравнить с песчинками, в коих сосредоточено мироздание

Есть раздел «Крупинки» и в новой книге Владимира Николаевича «Море житейское». Читаешь их и поневоле восхищаешься талантом и мастерством видеть житейское в житейском, небесное в земном. Каждая «крупинка» по составу своему и по литературной огранке поистине бриллиант чистой живой воды русской словесности. Поневоле приходят на ум слова Валентина Распутина о Крупине: «В письме его ни с кем не перепутать. Это какая-то особая манера повествования — живая, даже бойкая, яркая, воодушевлённая, образная, в которой русский язык играет, как порою весело и азартно играет преломляющееся в облаках солнце...».

Рассказывая вроде бы о делах сердечных в миниатюре про «правых» и «левых» женихов Мурманска бойкий на байки писатель говорит читателю о двух совершенно различных отношениях к жизни. В Мурманске мужчины почти поголовно моряки. Приметливые девушки-мурманчанки подразделяют их всех на две категории.

«Левые» женихи — матросы, что идут в плавание налево, в буквальном географическом смысле слова: в сторону тёплого Гольфстрима и Европы. Туда, как правило, курсируют торговые и туристические суда. «Правые» моряки уходят в плавание вправо, в не очень уютную и опасную Арктику — по делам, с коммерцией не связанным, часто военным. Между «левыми» и «правыми» женихами-моряками мурманские невесты метко определили большую разницу. Первые более разговорчивы и озабочены материальным. Знают, что и где в какой стране почём, какой язык лучше учить, чтобы было удобно, сходя на берег, делать покупки. Мысли «правых» женихов заняты не столько материальными проблемами, сколько трудной, а часто и рискованной романтикой севера. Они никогда не уходят налево, не в смысле измены жене, а в смысле, что арктические моряки практически никогда не переквалифицируются на морские походы в сторону благополучной Европы. Не меняют неуютные русские севера на тёплые гольфстримы! И наоборот, привыкшие к европейской цивилизации «левые» моряки не жалуют суровую Арктику.

К чему я это говорю, спросите? А к тому, что, если провести аналогию, то получается, что литературное дело Владимира Крупина — правое. Уроженец вятский, на слово хватский, принимающий своё писательство не как «левый» поход за материальным, а как «правое» упорное и несуетное служение избранному делу, дпящееся десятки лет, начавшись с первой книги «Зёрна». По ней молодой на тот момент прозаик Крупин был принят в Союз писателей. И вот уже, хотя и рано, но можно подводить некоторые итоги: зёрна стали крупой, крупинками...

От жизни Владимир Николаевич не бегал. По окончании сельской школы работал слесарем, грузчиком, сельским корреспондентом районной газеты, был даже членом бюро райкома комсомола с перспективой выдвижения на должность секретаря райкома. Не косил от армии, честно прослужил родине три года, как тогда

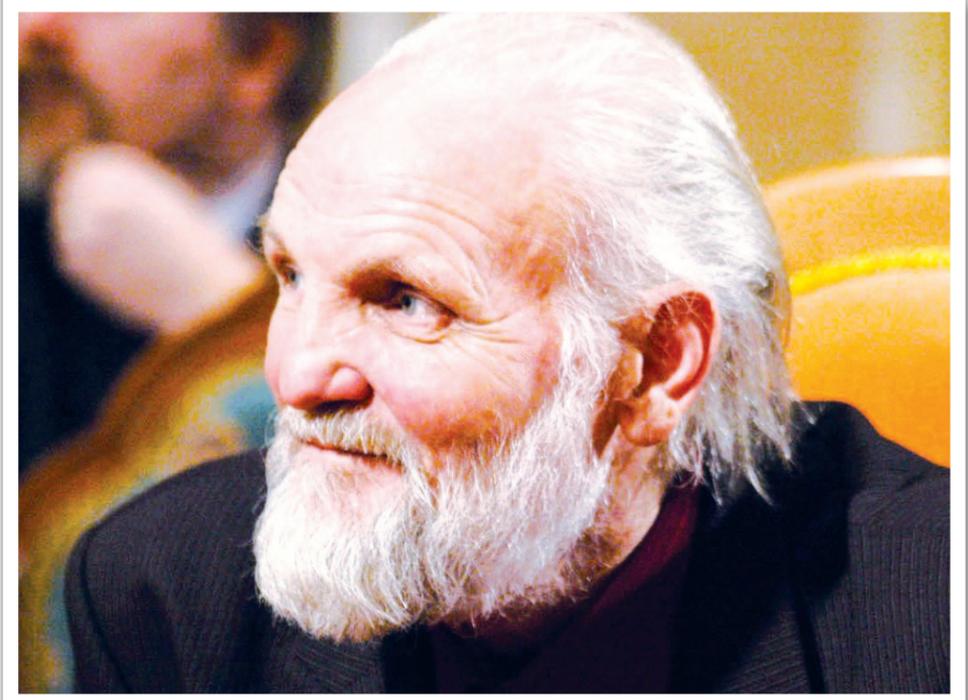
полагалось... Юношеская страсть к литературному творчеству привела его в Литературный институт, но — удивительно! — по конкурсу не прошёл и поступил на филологический факультет Московского областного педагогического института. Большое имя в литературе Крупину сделала повесть «Живая вода», позднее переведённая на несколько иностранных языков. Уже тогда автор явил читателям уникальную манеру говорить о высоком просто и без пафоса. Народ твёрдо усвоил: где пафос — там ложь, а потому герои Владимира Крупина часто по-доброму усмешливы — деревенские мужики, в каждом из которых живёт философ, порой они косноязычны, но правду жизни видят насквозь. Ту, которую так ценит наш народ. Думается, что уже в «Живой воде» был предreshён приход Владимира Николаевича к теме православия.

Я познакомился я с Крупиным давно благодаря самарскому писателю-фронтовику Валентину Мясникову. Узнав, что еду в Москву и какое-то время буду жить в Переделкино, самарский прозаик Мясников, в то время редактор областной «Книги Памяти», сказал: «Эдуард, просьба к тебе. Вот небольшая бандероль, а вот на листочке номер московского телефона. Позвони, пожалуйста, это телефон Владимира Крупина, известного прозаика. Передай ему бандероль, да и лично познакомиться будет повод...».

Так, с лёгкой руки земляка, моя библиотека пополнилась первой дарственной книгой Владимира Крупина «Православная Азбука». Издание было новенькое, но сейчас вид у него совсем другой — думаю, ни один из писателей не был бы против, чтоб его книги так зачитывали! С «Православной Азбукой» познакомился сначала мои внучата, затем дети и внуки соседей... Сейчас на полках моей библиотеки много книг Крупина с дарственными надписями. Мы не раз встречались с Владимиром Николаевичем в правлении Союза писателей России, на Всемирном русском народном собрании в храме Христа Спасителя. И всегда с ним было интересно, всегда находилось, о чём перемолвиться словом.

Я не только подружился, но и стал однажды свидетелем творческого триумфа Владимира Крупина. Увидев его в зале церковных соборов храма Христа Спасителя в день оглашения лауреатов Большой Патриаршей премии, вдруг почему-то подумал — да вот же он, лауреат. И ещё до оглашения списка подошёл к Крупину и поздравил его с победой. Хотя среди номинантов были весьма уважаемые писатели, но что-то говорило мне, что выберут именно Крупина. Он, конечно, изумился — что, разве решение жюри уже огласили? Я ответил, что нет, просто так подсказала моя сельская интуиция, ведь странно же, в самом деле, что Крупин до сих пор не патриарший лауреат. Видимо, так думалось не мне одному, но и членам комиссии по присуждению премии.

Благодаря целому ряду прекрасных прозаических произведений: «Великорецкая купель», «Живая вода», «Во всю Ивановскую», «Ямщицкая повесть», «Слава Богу за всё», «На днях или раньше» и многих других, не говоря уж про его «Православную Азбуку», — Владимир Крупин признан живым классиком. Многие коллеги считают его феноменом, олицетворением того, как можно быть в жизни радушно улыбочивым, но при этом твёрдо стоять на своих убеждениях неприятия нынешнего порядка, когда Россию уничтожают по американскому распорядку. Никому

Крупин своих мнений не навязывает, он вообще, по моим наблюдениям, человек не категоричный. Но неуклонно своим принципам следует. В лихие девяностые, когда массово шло разграбление страны, прозаик Крупин сделал свой выбор, отказываясь при скудных писательских достатках от литературных премий, которые периодически хотели вручить ему. Не считал Крупин возможным брать что-то в то время, когда ницала его родина.

Правильно сказал о своём друге и единомышленнике Валентин Распутин, мол Крупин — самый твёрдый и убеждённый противник тех, кто пытался уничтожить страну: «Проза Владимира Крупина — это нечто особое в нашей литературе, нечто выдающееся и на удивление простое... В его прозе очень сильный рассказывательский элемент. Впечатление такое, что письмо ему даётся легко: сел за стол и, рассказывая предполагаемым слушателям о том, как он ездил на свою родину или на родину друга, сам за собой записывает и едва успеваешь записывать события в той последовательности и подробностях, как они происходили. Но рассказывает и записывает сосредоточенно, живописно и эмоционально, не теряя за живостью и непосредственностью строгости и художественности. А это значит, что кажущаяся лёгкость слова на самом деле достигается непросто, в тех же мучительных поисках, как и для всякого писателя, относящегося к слову с уважением...».

Уникальность Крупина в том, что он пишет о своём народе и для народа. Скажете, ну что тут особенного? А вот много ли наберётся сегодня писателей, чьи произведения поняты и любимы народом? Проза Крупина воистину народная, в не самое благополучное для страны время, писатель остаётся с народом и повествует о нём, не льстя и не лукавя, но и не позволяя себе унывать и вгонять в уныние читателя. Выходец из крестьянской семьи, сын лесничего, Владимир Крупин порой напоминает мне доброго лесовика, знающего такие тайны творчества и мироустройства, что сразу становится спокойнее за Россию.

Уж кто-кто, а такой подвижник русского правого литературного дела, как Владимир Крупин, служит родному наречию так, что любо-дорого почитать его в наше время нашествия на Русь иноплемennых, а часто и вовсе безродных слов. Его Емеля не ползет в карман за иностранным «олайтом», потому что он и есть на-

род-словотворец. Эта русская природная хваткость на слово часто ставит в тупик иностранцев. Например, вот цитата из его рассказа:

— Вот у вас такая фраза, — спрашивала меня немка-переводчик. — «Этот Витя из всех Витей Витя». Как это понять?

— Ну да, из всех Витей Витя.

— Это у нас не поймут. Надо как-то иначе.

— Ну-у... — думал я. — Давайте: этот Витя ещё тот Витя. Да, пожалуй, так даже лучше: ещё тот Витя.

— Это тем более не поймут. Подумают, что этот Витя похож на того Витю. То есть их два: этот и тот.

— Вот то-то и оно-то, — говорил я, — что он не тот, хотя он ещё тот. Он ещё тот Витя.

Мы начинали искать общеупотребительное слово, синоним выражения, перебирали слова: шаромыжник, прохиндей, мошенник... Нет, Витя под эти мерки не подходил, это был ещё тот Витя, переводу не поддавался и уходил за границу сильно упрощённым.

— Вот я назову повесть, — сказал я переводчице, — и тебе снова не сумеешь её перевести. Вот переведи: «Как только, так сразу».

Переводчица тяжело вздохнула, а я её доколачивал:

— И в эту повесть включу фразу: «Шлялась баба по базару распьяным-пьяна-пьянехонька», — как переведёшь? Да никак. Ни по какому базару у вас не шляются, да и базара нет. И она, заметь, не ходит, не слоняется, не шлендает, она именно шляется. И хотя распьяным-пьяна-пьянехонька, но какою-то целью обязательно имеет. Иначе зачем бы шлялась.

— Может быть, — вспомнила переводчица выражение, — она погоду пинает?

— Это для неё пройденный этап. Вчера пинала, сегодня шляется. Да, товарищи немцы, были мы для вас непонятны, такими и остаёмся. Но в утешение тебе скажу, что для англичан мы ещё более непонятны...

Как говорится, чем смог, тем утешил русский писатель немецкую свою переводчицу! А мы с вами, дорогие мои, для кого русский язык родной от рождения, можем не утешаться, а радоваться, что есть у нас такое глубоко национальное явление, как проза Владимира Крупина, которого я от всей нашей широкой и непонятной иностранцам русской души поздравляю со славным юбилеем!